

отличия во внешнем облике, так же как и несходство сюжетных конфликтов все же не могут служить основанием для отрицания связи между ними. Во-первых, в культуре весьма нередки случаи, когда в активном и плодотворном взаимообщении оказываются элементы совсем разных художественных систем, которые, сами по себе принципиально отдалены друг от друга, более того, нередко противоположны для диалога частей совсем не обязательно сходство в целом. Поэтому общие различия между Эрастом и Хлестаковым в данном случае недостаточно весомый аргумент. Во-вторых, хлестаковский тип (даже в гоголевском понимании) далеко не покрывается характером Ивана Александровича. В частности, Гоголь, называя себя Хлестаковым, все же вряд ли имел в виду полное совпадение своих поступков и действий «главного лица» «Ревизора». Данная персонажная парадигма включает в себя и героев, в чем-то отличных от персонажа, давшего свое имя всему архетипу, так сказать, более «мягких» и действующих в иных сюжетных ситуациях, — например, Ивана Савича Поджабрина из одноименного сочинения И. А. Гончарова.¹² Наконец, в-третьих, и это самое главное, при всем своем внешнем несхождении Эраст и Хлестаков обнаруживают внутреннее, глубинное взаимоотношение, которое позволяет видеть в герое Карамзина модель всей хлестаковской парадигмы, источник развития данного литературного типа. Оно связано с фундаментальными началами, доминирующими в структуре и этих двух героев, и других представителей данного архетипа с легкомыслием и самообманом.

Легкомыслие Хлестакова не требует доказательств: «У меня легкость необыкновенная в мыслях»,¹³ — говорит герой в VI явлении 3-го действия. Самохарактеристика совпадает с авторской в «Характерах и костюмах. Замечаниях для господ актеров» Гоголь пишет о Хлестакове как о человеке «без царя в голове», «пустейшем», он «говорит и действует без всякого соображения», «слова вылетают из уст его совершенно неожиданно»¹⁴. Не менее очевидна и другая хлестаковская черта — склонность к самообману, неспособность отличить мир фантазий от реальности, что особенно явно проявляется в сцене его вдохновенного и искреннего вранья перед чиновниками в 3-м действии.

Обратившись к герою «Бедной Лизы», и в нем увидим те же основные свойства, хотя, конечно, существенно модифицированные в соответствии с писательской индивидуальностью Карамзи-

¹² См. о нем *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. Л., 1994. С. 5–23.

¹³ *Гоголь Н. В.* Собр. соч. В 7 т. М., 1977. Т. 4. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 8.